

Интервью с профессором Университета Ланкастера Полом Эшвином

Пол Эшвин (Paul Ashwin) — профессор Университета Ланкастера (Lancaster University, UK). Сфера его профессиональных интересов — качество преподавания и обучения в высшем образовании; разработка учебных программ; связь исследований в сфере высшего образования с образовательной политикой. На VI международной конференции «Переосмысливая студентов: идеи и новые исследовательские подходы» почетный гость Российской ассоциации исследователей высшего образования Пол Эшвин выступил с пленарным докладом «Меняет ли студента обучение в университете? Роль знаний в процессе развития студентов».

DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-18-20

Профессор Эшвин, как бы Вы охарактеризовали соотношение вовлеченности студента в учебный процесс и его академической успеваемости?

Эти параметры связаны напрямую, как мне кажется. В ходе исследования «Действенные методы обучения» британские ученые установили, что два важнейших условия, при которых студенты не выбывают из вуза на первом же курсе, — это их вовлеченность в процесс получения знаний, а также чувство принадлежности¹. Эти две характеристики студенческой позиции идут рука об руку, и между ними существует очевидная связь.

Но просто сказать «чувство принадлежности» — мало. Важно понять, к чему именно студент испытывает привязанность. Допустим, студент дорожит вузом, потому что для него учеба — это непрерывная череда вечеринок. Или же он всего себя отдает университетской гребной команде. В этих увлечениях нет ничего плохого. Но я хочу подчеркнуть — и к этому нас привело наше исследование: если чувство принадлежности, которое испытывает студент, хотя бы отчасти не связано с той специальностью, по которой он намерен получить диплом, если он поступил в высшее учебное заведение без желания получить подготовку по определенному направ-

*Перевод
с английского
Н. Ударовой.*

¹ Paul Hamlyn Foundation. What works? Student Retention & Success — Final Report: <http://www.phf.org.uk/publications/works-student-retention-success-final-report/>

лению и овладеть знаниями, то ничего не выйдет. У такого студента не сформируется понимание самого себя и собственное отношение к миру. Высшее образование ничего не изменит в его жизни.

Звучит банально: и правда, если вам не интересна будущая профессия, о каком развитии может идти речь? Но есть одна вещь, которую мы обычно упускаем из виду, рассуждая об опыте студенческой жизни, и она представляется мне очень важной: оценивая то или иное качество, мы не используем каких-либо индикаторов, позволяющих о нем судить. Как именно мы оцениваем, скажем, вовлеченность студентов в учебу, как именно мы понимаем эту характеристику — это, с моей точки зрения, важная исследовательская проблема. А кроме того, мы не должны упускать из виду ход воплощения результатов исследования в положения образовательной политики. Мало опубликовать исследование, предоставив людям самостоятельно разбираться в наших выводах. Это известно абсолютно точно: мы учимся, переосмысливая то, что мы воспринимаем. Что вы делаете, когда обучаетесь? Вы создаете собственное понимание того, что попадает в поле зрения. Как исследователь я полагаю, что нам принадлежит очень существенная роль в выработке образовательной политики: мы должны помочь тем, кто принимает политические решения, понять, какие именно характеристики процесса обучения важны для обеспечения его высокого качества. Но, оставаясь добросовестными, мы не можем убеждать политиков, что способны с достаточной точностью измерить эти характеристики. Делать вид, что мы в своих исследованиях можем добиться точности лазера, когда в руках у нас отбойный молоток, бессмысленно.

Помню, у нас в Ланкастере выступал бывший министр образования. Он сказал тогда: «По-моему, самый главный вопрос, на который должны ответить исследователи, — каково оптимальное число учеников в классе?». Мне как ученому, занимающемуся проблемами высшего образования, вопрос показался глупым. Ответ зависит от того, с какими студентами мы имеем дело, что они изучают. И задавать такой вопрос, ожидая получить на него исчерпывающий ответ, тоже глупо. «Если вы задаете мне такой вопрос, то я не намерен с вами разговаривать» — такой была моя реакция. Но сейчас, набравшись опыта, я понимаю, что сказать чиновнику: «Какой глупый вопрос!» — недостаточно. Надо постараться вовлечь его в разговор, с тем чтобы помочь ему изменить свои представления о наиболее значимых проблемах в той сфере, которой он занимается. Я представляю себе такой разговор как тропинку, петляющую между двумя крайностями: «дать политику именно то, что он хочет» и «не дать политику ничего из того, что он хочет». Это непросто, и на этом пути мы, скорее всего, совершим больше промахов, чем добьемся успехов, но попытаться стоит. Мы обязаны внимательно следить за тем, как влияют результаты наших исследований на выработку образовательной политики, не ограничиваясь в своих действиях тем, «что проще», и тем, «что принято делать».

Какова роль студента в учебном процессе?

Я приветствую развернувшееся сегодня движение за усиление студенческой вовлеченности, за привлечение студентов к участию в разработке учебных программ и передаче им части функций по управлению университетами. В недавней статье «Значение студенческой вовлеченности»², написанной в соавторстве с Дебби Маквитти, я высказал мнение, что современная литература по данному вопросу концептуально чрезвычайно разнородна и противоречива. И причиной тому то обстоятельство, что в понятие «студенческая вовлеченность» исследователи вкладывают множество разных смыслов. Мы попытались предложить концепцию, которая предусматривала бы разные степени студенческой вовлеченности. Может быть, студенческая вовлеченность означает, что со студентами нужно советоваться: «Мы собираемся сделать вот так. Что вы об этом думаете?». Или сделать студентов вовлеченными — значит вести себя с ними как с партнерами: «Давайте вместе обсудим, как мы будем действовать в этой ситуации»? А может, нужно отдать им ведущую роль: «Решайте сами, как мы поступим?». Кроме того, студенческая вовлеченность может быть направлена на разные объекты. И один из этих объектов, о котором часто забывают, — знания. На мой взгляд, вовлеченность в процесс получения знаний — важнейшая форма вовлеченности. Все остальные виды вовлеченности возможны только при наличии этой — первой и основной.

В частности, участие в разработке учебных программ как вид студенческой вовлеченности возможно только при условии вовлеченности в процесс получения знаний. Третий вид вовлеченности — создание студенческих сообществ. И оно также возможно только в том случае, если есть вовлеченность в учебу. На мой взгляд, в этом и заключается роль студентов в учебном процессе: мы должны отдавать себе отчет в том, что студенты пришли в университет, чтобы получить образование, и они должны быть вовлечены в процесс получения знаний. Так что если студент участвует в составлении учебной программы, в организации студенческих сообществ, но при этом не заинтересован в получении знаний, то перед нами уже не студент, а администратор. Такое случается, если студент не осознает постоянно тот факт, что он пришел в университет, чтобы обучиться определенной профессии. Мы должны понимать, что именно желанием получить знания обусловлено стремление студента участвовать и в других сферах жизни университета.

Беседовала Е. Багдасарова

² Ashwin P., McVitty D. The meaning of student engagement. [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/the-meanings-of-student-engagement\(7a2bd691-389a-4a70-b322-87554b69eaf9\).html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/the-meanings-of-student-engagement(7a2bd691-389a-4a70-b322-87554b69eaf9).html)